

Глава 1

Среди ночи

*Деревня Гажан, среда,
18 мая 1881 года*

Дрожжащими руками Анжелины обняла уже посиневшее маленькое тельце. Ребенок умер, и ничто не могло воскресить его. Анжелины выпрямилась и посмотрела на мать, еще не пришедшую в сознание. Желтоватое лицо женщины резко выделялось на фоне подушки с белоснежной наволочкой.

— Я ничего не могла сделать. Роды были слишком долгими, слишком трудными, — обратилась Анжелины к старой женщине, сидевшей, перебирая четки, у изголовья роженицы.

— Мою сноху предупреждали: хотеть во что бы то ни стало подарить мужу сына в тридцать семь лет — неосмотрительно с ее стороны. У нее уже было два выкидыша. На этот раз она считала, что все закончится благополучно. Я молчала, но полагала иначе... А что вы думаете? Я знаю, что говорю. В нашей семье никто не нуждался в посторонней помощи, в такой помощи, какую оказываете вы...

Анжелины вздохнула. Родственники всегда выжидали несколько часов, прежде чем позвать ее. А ведь во многих случаях время играло главную роль!

— Возможно, мне удалось бы спасти малыша, если бы его отец не решил ограничиться вашими услугами, мадам! — мягко возразила Анжелины. — Но к чему спорить? Уже слишком поздно.

Молодая повитуха, стоя прямо, прижимала новорожденного к груди, которую закрывал фартук, испачканный кровью.

Смирившись с неизбежным, охваченная глубокой печалью, Анжелина перекрестилась. Взгляд ее затуманенных печалью прекрасных глаз упал на распятие, висевшее над кроватью, и она принялась читать «Отче наш».

— Аминь! — прошептала старуха в конце молитвы и тоже перекрестилась.

«Господи, прими душу этого невинного младенца в свой рай! Даруй ему вечную жизнь среди небесных ангелов!» — мысленно добавила Анжелина Лубе.

Старуха смотрела на Анжелину с видом инквизитора. Покачивая головой, она тихо произнесла:

— В деревне мне говорили о ваших глазах, но надо их видеть самой, чтобы поверить! Такой необычный цвет...

В самом деле, в деревне всех удивляли сияющие глаза молодой повитухи, похожие на два аметиста в оправе темного золота ресниц.

— Разумеется, мадам, но сейчас не время говорить об этом. Прошу вас, помогите мне. Надо запеленать младенца и унести его в другую комнату. Скоро мать придет в себя и захочет увидеть своего ребенка.

Дверь внезапно распахнулась. В комнату ворвался высокий мужчина с обветренным лицом, волосами с проседью и орлиным носом. Он взглянул на младенца, потом на свою жену, лежавшую неподвижно.

— Ну, он родился? — грубо спросил мужчина. — Малыш... почему он не плачет? Я же сказал, чтобы меня позвали, когда он появится на свет!

— Я собиралась поставить вас в известность, — произнесла Анжелина голосом, полным сочувствия. — Мсье Мессен, ваш сын уже был мертв, когда я сумела вытащить его. Мне очень жаль. Ваша жена испытывала адские муки. Мне пришлось дать ей эфир. Другого выхода облегчить ее страдания у меня просто не было. Эфир порой вызывает глубокий сон, но у него есть огромное преимущество: он подавляет боль.

— Что-о?! — завопил хозяин дома. — Вы дали ей наркотик? Ну и методы у вас! Ты слышала, матушка? Боже всемогущий! Эфир!

Мужчина подошел к посиневшему младенцу со сморщенным личиком. Это был пухлый карапуз, весивший не менее четырех килограммов.

— Какой красивый мальчик! Да, он был бы красивым мальчиком! — простонал мужчина. — Мой наследник, мой сын! Я женился во второй раз только для того, чтобы иметь сына! А он умер!

Анжелине было больно смотреть на мужчину, охваченного гневом и отчаянием. От сильного волнения черты его лица исказились. Повитуха опустила голову, от всей души сожалея о трагическом исходе родов, однако она не чувствовала себя виновной.

— Мсье Мессен, прошу вас! — тихо произнесла Анжелина. — Ребенок был слишком крупным, а беременность затянулась на десять дней. Это чудо, что мадам Мессен выжила.

— Чудо? — прорычал мужчина. — Мне плевать на чудеса! И как только вам пришло в голову, матушка, позвать эту девицу?!

— Вы оскорбляете меня, мсье! — с достоинством заявила Анжелина. — Я понимаю ваше горе, но вы не должны терять контроль над собой.

Белая косынка, повязанная на голове, скрывала роскошные темно-рыжие волосы, делая еще прекраснее совершенное лицо Анжелины. Анжелине было всего двадцать два года, но она уже пользовалась репутацией самой красивой девушки и самой умелой повитухи края.

Раздираемый отчаянием, Жан Мессен, тем не менее, смотрел на Анжелину как на посланницу сатаны. Уперев руки в бока, выпучив глаза, он, казалось, был готов броситься на нее. Обезумевшая от ужаса его мать, Эжени, вскочила со стула и встала перед сыном.

— Жанно, послушай меня! Я все видела, она не лжет. Ты знаешь, я понимаю в этом толк, но я не могла ничего сделать. И тогда я сочла за благо обратиться к мадемуазель Лубе. Возможно, ты сделаешь ей другого малыша, своей супруге. Бог дал, Бог взял. Надо покориться воле Божьей.

Анжелина воспользовалась удобным моментом, чтобы положить младенца на комод, рядом с заранее приготовленными вещами. Подушка, плотная хлопчатобумажная пеленка, таз с теплой водой и вышитые распашонки ждали живого ребенка. С тяжелым сердцем Анжелина накрыла тельце ребенка пеленкой. Теперь ей предстояло заняться несчастной матерью, ведь Анжелине пришлось разрезать промежность, чтобы избежать разрывов, которые гораздо труднее зашивать, чем аккуратные разрезы. Это была миниатюрная женщина с потускневшими светлыми волосами. Несмотря на свой возраст, она казалась совсем юной. Погруженная в сон, бледная, очень хрупкая по сравнению со своим крепко сбитым мужем, она вызывала у Анжелины жалость.

— Божья воля! — гремел Жан Мессен. — Напрасно я ставил свечи в церкви, делал подарки нашему кюре! Мой сын умер! Уж теперь-то от меня никто не дожидается подношений!

— Мсье, прошу вас, не кричите так громко! — произнесла ошарашенная Анжелина.

— А вы убирайтесь! — зарычал Мессен. — Я не хочу видеть вас в своем доме, понятно?

— В любом случае я не уйду, не оказав помощь вашей супруге.

Мужчина приблизился к Анжелине, гневно глядя на нее. Он был выше молодой женщины на целую голову.

— Вы что, оглохли? Я не терплю, когда мне перечат! Убирайтесь из этого дома, да поживей! — произнес он, угрожающе подняв руку.

— Нет! Я не оставляю своих пациенток в беде, мсье! И хочу вам сказать, что я повитуха знающая, что бы вы ни говорили.

Я получила диплом в больнице Тарба, где какое-то время практиковала.

Анжелина внимательно смотрела на Жана Мессена, глядившего дрожащей рукой свою бороду. Он не был пьяным, в этом она не сомневалась. Он обезумел от горя, другого объяснения она не находила. «В каком состоянии была бы я, если бы малыш Анри умер у меня в чреве в ту ночь, когда я родила его в пещере Кера? — спрашивала себя Анжелина. — Этот мужчина жил в отчаянии много лет, поскольку его первая жена не смогла родить ему наследника».

Анжелине поведала об этом старая Эжени, которая изливала повитухе душу, пока ее сноха испытывала нестерпимые страдания, пытаясь освободиться от плода.

— Мсье Мессен, позвольте мне закончить свою работу! — мягко настаивала Анжелина. — Ваша мать права: ваша жена еще может подарить вам другого ребенка, если полностью оправится после столь тяжелых родов. Но для этого я должна ее осмотреть и остаться с ней до завтрашнего утра.

Вместо ответа мужчина железной хваткой схватил Анжелину за руку.

— Вон отсюда! Убирайтесь к черту! Я не хочу больше ни видеть, ни слышать вас. Я пойду к доктору. Лучше бы я сразу обратился к нему!

Под испуганным взглядом матери Жан Мессен вытолкал Анжелину на лестничную площадку второго этажа и захлопнул за ней дверь. Возмущенная подобным обращением, Анжелина забарабанила в дверь.

— Отдайте мой саквояж и инструменты! — прокричала Анжелина, с трудом сдерживая слезы отчаяния. — И если вы намерены обратиться к доктору, скажите ему, чтобы он побыстрее зашил вашу супругу! А вы, мадам Эжени, прошу вас, вымойте ее! Я не успела это сделать. Вымойте ее водой с карболкой. У меня есть бутылка карболки в сумке! В красной кожаной сумке...